

Научная статья
УДК 328.185

ФОРМИРОВАНИЕ ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫХ МЕР КОРРУПЦИИ ПЕРИОДА СТАТУТНОГО ПРАВА ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО И РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ

Татьяна Георгиевна Терещенко
Академия МВД Республики Беларусь, Минск, Республика Беларусь
tati2034@yandex.ru

Аннотация

Введение: в статье рассмотрены нормы отечественного законодательства статутного кодифицированного права в аспекте противодействия коррупционным проявлениям в Великом княжестве Литовском и Речи Посполитой.

Материалы и методы: в работе применялись различные методы, такие как диалектический, исторический, сравнительно-правовой, логический и другие специальные методы познания. В качестве материалов для исследования послужили нормы права на примере Статутов Великого княжества Литовского 1529, 1566, 1588 гг., научная литература, сборники судебных актов исследуемого периода.

Результаты исследования: на основе проведенного автором ретроспективного исследования установлены определенные исторические закономерности в становлении и развитии соответствующих правовых норм, препятствующих совершению коррупционных правонарушений и коррупционных преступлений в современном понимании вопроса. С позиции криминологического осмысления делается вывод о сформированности сущностной основы антикоррупционной политики государства в контексте выстраивания ограничительных, запрещающих, превентивных, восстанавливающих и наказательных мер в исследуемый период права.

Обсуждение и заключение: в результате изучения исторического опыта стало возможным выявление отличительных особенностей антикоррупционной политики Великого княжества Литовского и Речи Посполитой в контексте трансформации норм права. Это в свою очередь может стать направляющим вектором для выстраивания современной политики государства по борьбе с преступностью с учетом исторической преемственности и развития науки криминологии.

Ключевые слова: Великое княжество Литовское; история; коррупция; политика государства; предупреждение; преступность; Речь Посполитая

© Терещенко Т.Г., 2026

Для цитирования: Терещенко Т.Г. Формирование ограничительных мер коррупции периода статутного права Великого княжества Литовского и Речи Посполитой // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2026. Т. 17. № 1 (63). С. 28 – 36.

FORMATION OF RESTRICTIVE MEASURES AGAINST CORRUPTION
IN THE PERIOD OF STATUTE LAW OF THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA
AND THE POLISH-LITHUANIAN COMMONWEALTH

Tatiana Georgievna Tereshchenko

Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Minsk, Republic of Belarus,
tati2034@yandex.ru

Abstract

Introduction: this article examines the norms of domestic statutory codified law in relation to combating corruption in the Grand Duchy of Lithuania and the Polish-Lithuanian Commonwealth.

Materials and Methods: the study utilized various methods, including dialectical, historical, comparative legal, logical, and other specialized research methods. The research materials included legal norms based on the Statutes of the Grand Duchy of Lithuania of 1529, 1566, and 1588, relevant scholarly literature, and collections of judicial decisions from the period under study.

Results: based on the author's retrospective research, certain historical patterns were identified in the formation and development of relevant legal norms that prevent corruption offenses and corruption crimes in the modern sense. From a criminological perspective, a conclusion is drawn regarding the formation of the essential foundation of state anti-corruption policy in the context of the development of restrictive, prohibitive, preventive, restorative, and punitive measures.

Discussion and Conclusions: by studying historical experience, it became possible to identify the distinctive features of the anti-corruption policies of the Grand Duchy of Lithuania and the Polish-Lithuanian Commonwealth in the context of the transformation of legal norms. This, in turn, can serve as a guiding vector for developing modern state anti-crime policy, taking into account historical continuity and the development of criminology.

Keywords: *Grand Duchy of Lithuania; history; corruption; state policy; prevention; crime; Polish-Lithuanian Commonwealth*

© Tereshchenko T.G., 2026

For citation: Tereshchenko T.G. Formation of Restrictive Measures against Corruption in the Period of Statute Law of the Grand Duchy of Lithuania and the Polish-Lithuanian Commonwealth. Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2026;17(1):28-36. (In Russ.).

Введение

Изучение истории противодействия коррупции имеет важное значение с позиции научного осмысления, понимания и трансформации норм права для логического выстраивания современной антикоррупционной политики государства в призме науки криминологии. Запретность совершения актов коррупции в отдельные исторические этапы нашло свое подтверждение наличием сдерживающих, ограничительных и наказательных мер, изложенных в соответствующих нормах права. Примечательно в этой связи обратиться к первым кодифицированным актам Великого княжества Литовского и Речи Посполитой в виде Статутов 1529, 1566, 1588 гг.

Отдельные запреты на совершение злоупотреблений должностными лицами, превышение своих полномочий, хищение имущества не потеряли актуальности на сегодняшний день. С позиции исторической преемственности меняются

формы и способы их совершения, а также методы предупреждения, обрамляясь тем самым в соответствующую криминологическую модель и политику противодействия коррупции различной направленности: от наказательной до превентивно-профилактирующей.

Обзор литературы

Проблеме исторического осмысления и преемственности в противодействии преступности в целом, и коррупции в частности, посвящены отдельные положения научных изысканий историков и правоведов, таких как Ю. Бардаха, В.Н. Бибило, Т.И. Довнар, И.И. Лаппо, С.М. Соловьева, И.А. Юхо и т.д.

Материалы и методы

В рамках научного исследования применялись разносторонние методы общего и специального порядка, включая всеобщий диалектический метод, исторический, сравнительно-правовой, логический и др.

Результаты исследования

Отметим, что нормы общеземских и волостных привилеев (грамот), акты магдебургии, церковного права, действовавшие в XIII – XV вв. были разрозненны, существенно отличались в различных частях Польши, Великого княжества Литовского, что и обусловило в последующем обобщение и систематизацию источников феодального права в кодифицированные акты – судебники и статуты, действовавшие изначально на территории отдельных земель и позже уже на территории всего государства. Формированием статутотворчества завершился процесс унификации права единым общегосударственным правом в виде Статутов¹ 1529, 1566, 1588 гг. На наш взгляд, целесообразно указанный этап выделить как *период кодифицированного права эпохи Великого княжества Литовского (далее – ВКЛ) и Речи Посполитой (XVI – XVIII вв.) с позиции дальнейшего развития антикоррупционных норм, принципов и ограничений в контексте формирования основ соответствующей политики государства*. В связи с этим применительно к предмету нашего исследования остановимся на каждом из статутов более подробно.

Так, первый Статут ВКЛ, работа над которым велась более десяти лет, был утвержден на сейме окружной королевской грамотой «О введении нового Статута в силу действующих законов в Литве» (29 сентября 1529 года – далее Статут 1529 г.)². В его основу положен огромный массив грамот, привилеев, ухвал, выроков, основанных на обычном писаном праве.

Уже в преамбуле Статута 1529 г. закреплялся ряд общеправовых принципов правового государства, несущих в себе антикоррупционную основу, так называемые *принципы-декларации*. В первую очередь, устанавливался принцип верховенства закона, действующий на всей территории государства, независимо от сословных и представительских качеств субъектов правоотношений, с учетом принципа социальной справедливости: «...король польский и великий князь литовский, русский, прусский, жемайтский, мазовецкий и других земель... желая одарить христианскими законами, всем прелатам, княжатам, панам хоругвовным, вельможам, благородным рыцарям, шляхте и всему посполству и их подданным... какого бы сословия и происхождения они ни были все их права и церковные привилеи ... и вольности ... данные и пожалованные привилеи, содержащие в себе справедливые установления...

мы решили их подтвердить и закрепить, что подтверждаем и закрепляем, приказывая считать их имеющими силу на вечные времена» [1]. Далее нормы-принципы развивались положениями об индивидуализации наказания согласно установленной судом вины (ст. 7 р. 1); единообразном применении «писаного закона» при отправлении правосудия (ст. 9 р. 1).

Начиная уже с первых разделов, Статут 1529 г. закрепил правовой статус органов государства и его должностных лиц, уделяя значительное внимание правому положению последних. Как и ранее, статусом высшего должностного лица в ВКЛ обладал великий князь (*господарь*), который выполнял представительские, законодательные и судебные функции, но уже с некоторыми ограничениями. Князь по-прежнему выступал высшей апелляционной инстанцией в судебных делах, в связи с чем даже несогласие с принятым судебным решением влекло за собой тюремное заключение и штраф в пользу государства (ст. 23 р. 1).

Формально, как и ранее, князь даровал все права и привилегии своим подданным, при этом устанавливая запреты должностным лицам вводить новые мыта и тем самым злоупотреблять своими функциями «ни на дорогах, ни в городах, ни на мостах и на греблях, и на водах, ни на торгах в своих имениях», что влекло за собой потерю имения (ст. 21 р. 1); запрещалось также взыскивать некоторые налоги (серебщина, дякло), и требовать выполнять ряд повинностей (ст. 22 р. 1). Однако ответственность для лиц, злоупотреблявших такими действиями, не устанавливалась, возможно, применялась аналогия закона.

За великим князем сохранилось право на земельные и должностные пожалования подданным «в соответствии с их заслугами», однако уже с согласия панов-рады, принятого на вальном сейме (образовался по итогам Люблинской унии 1569 г.; ст. 25 р. 1). Власть князя еще со времен выдачи привилея Александра 1492 г. оставалась ограниченной панами-радой в вопросах управления государством и принятия законов, тем самым постепенно закреплялся и реализовывался антикоррупционный принцип разделения властей (ст. 6 р. 3), который более полное развитие получил в последующих статутах.

Далее дублировалась норма о запрете жалования держаний, званий и чинов иностранцам; должностные лица назначались только «по праву земли», т.е. урожденные в Польше и ВКЛ (ст. 3 р. 3). В то же время норма статута сохраняла права

¹ От лат. *statutum* – постановление, правило

² Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 1. Санкт-Петербург, 1848. 428 с. (№ 165).

и привилеи должностей «Виленского и Трокского воеводств, других воевод и каштелянов, канцлерства, маршалства земского и маршалства дворного, старост и врандников. Каждый из указанных лиц в своем повете должен выполнять свои обязанности: судить, управлять, посылать своих децких и исполнять должности соответственно давнему обычаю» (ст. 4 р. 3). Одновременно с сохранением ранее установленного порядка реализации властных полномочий чиновниками на местах, Статут 1529 г. запрещал по заочному оговору *освобождать последних от должностей*, устанавливая особый процессуальный порядок очного разбирательства тяжущихся сторон в случае обвинения в *расточительстве и причинении вреда «двору нашему»* (ст. 5 р. 3).

Статутные нормы детально регламентировали и порядок организации судопроизводства (раздел 6), в том числе с позиции предупреждения злоупотреблений лицами, осуществляющими судебные функции: «воевода и старосты, маршалок земский, маршалок дворный, державцы, каждый в своем повете». В этой связи закон требовал применение только положений писаного права, закрепленных в Статуте 1529 г. В случае неправомерно принятого решения, обжалованного в установленном порядке на сейме, судья должен был *возместить ущерб и издержки потерпевшему, уплатить штраф в пользу государства, вернуть неправомерно взысканные пошлины*. Приговор при этом аннулировался (ст. 22 р. 6). Кроме того, закон требовал дачи объяснений урядниками перед вышестоящими должностными лицами или на сейме, или на земской сессии; определялась и персональная подсудность отдельных лиц только судами воеводы или старосты (ст. 27 р. 6). Тем самым устанавливалась определенная форма ведомственного и процессуального контроля за действиями и решениями должностных лиц суда.

В рамках *общественного контроля* при реализации судебных функций воеводами, старостами или державцами, определялось обязательное совместное участие в судебном процессе двух землян (шляхтичи-землевладельцы), в современном понимании – участие представителей общественности в отправлении правосудия. Последние *выбирались* из числа «достойных и заслуживающих доверия» лиц, впоследствии приносили присягу и руководствовались статутными положениями (ст. 3 р. 6).

Таким образом, нормы Статута 1529 г. обладали прогрессивным антикоррупционным характером, тем самым определяя соответствующую политику ВКЛ. Закрепление общеправовых и специальных принципов правового государства

(верховенства и всеобщности закона; справедливости; разделения властей с частичным ограничением полномочий высшего должностного лица в государстве; приоритета норм писаного, а не обычного права и т.п.); определение правового статуса и ограничений для должностных лиц; расширение видов юридической ответственности специального субъекта в контексте восстановительного правосудия не только в пользу потерпевшего, но и государства при организации судопроизводства с введением протоформ ведомственного, процессуального и общественного контроля, *продолжило формировать сущностную основу антикоррупционной политики ВКЛ*. Вместе с тем трансформация общественных отношений (аграрная, земельная, судебная реформы 1550-х годов, введение новых налогов, стремление правящих сословий сохранить самостоятельность ВКЛ от Польши накануне Ливонской войны) обусловила внесение соответствующих дополнений в статутные нормы более позднего периода.

Работа над Статутом 1566 г. велась около десяти лет и объединила вокруг себя не только специальную комиссию (пять католиков и пять православных по принципу церковного паритета), но и представителей шляхты (выступали регулярно на сеймах за сохранение своих прав и вольностей), членов прогрессивного реформаторского движения с идеями свободы, равенства всех перед законом, справедливости урегулирования общественных отношений, а также высших должностных лиц ВКЛ [2, с. 41–48].

Отметим, что соответствующую основу для формирования *антикоррупционной политики государства* исследуемого периода заложили привилеи, принятые накануне и вошедшие частично в статутные нормы. Так, привилей 1563 г. повторил норму о церковном паритете православных и католиков, позволяя тем самым занимать государственные должности в ВКЛ, включаться в сословно-представительские органы (паны-рада) *независимо от вероисповедания* [3].

Согласно Бельскому привилею 1563 г. вводилась новая судебная организация и правила судопроизводства. Так, упразднялись суды воевод, старост и других местных чиновников, установленные еще волостными грамотами (привилеями) и актами магдебургии применительно к системе суда города. Тем самым окончательно закрепился *антикоррупционный принцип разделения властей*, с выделением судебной власти, основанной на выборных началах – шляхетские поветовые земские суды. В привилее 1563 г. также закреплялось, что все граждане, начиная от великого князя

и заканчивая представителями непривилегированных сословий, пользуются *одинаковым процессуальным статутным правом*.

Особое значение имело принятие Виленского привилея 1566 г., которым закреплялось существенное изменение местных органов управления с оформлением поветовых сеймиков, как представительских органов власти и расширением полномочий старост¹. В качестве представителей выступали «паны радныя, князі, уряднікі земскія і дворныя, асобы народу шляхецкага і стану рыцарскаго», которые обладали земельным правом. От каждого повета избирались «послы» на общегосударственный сейм ВКЛ (вальный) для обсуждения текущих и государственных вопросов. Положения привилея далее раскрывались и в статутных нормах (ст. 5 р. 3).

Обращаясь к положениям самого Статута 1566 г., отметим, что, как и ранее, в преамбуле подтверждалось введение в действие свода законов «великим князем» совместно с панами-радой и представителями шляхты, включенных в общегосударственный сейм. Тем самым ограничивалась законодательная функция высшего должностного лица ВКЛ. Более подробно правовой статус должностных лиц регламентировался в третьем разделе Статута 1569 г. – «О вольнастях шляхецких и о розмноженью Великого Князства Литовского».

Примечательно то, что многие нормы, закрепленные в вводных и основных положениях Статута 1529 г., нашли свое подтверждение и развитие в Статуте 1569 г. на более высоком правовом уровне:

применение только норм писаного права, включая организацию судопроизводства, закрепляя *формальное² равенство всех перед законом независимо от социального статуса*: «всімъ заровно однакую справедливость чинить безъ отволоки», принося присягу (ст. 1, 17 р. 1; ст. 39 р. 3);

запрет заочного обвинения, включая снятие с должностей, без участия в открытом суде (ст. 2 р. 1; ст. 11 р. 3);

установление *индивидуализации вины и персонализации ответственности*: «кождый самъ за свой выступъ маеть тьерпети и каранъ быти» (ст. 14 р. 1);

запрет чиновникам под угрозой изъятия имений вводить новые налоги (ст. 25 р. 1), тем самым препятствуя злоупотреблениям на местах;

сохранение ранее назначенных должностей и их правового статуса «водль давного обычая» (ст. 10 р. 3).

В последующих статьях третьего раздела Статута 1569 г. содержались нормы преимущественно конституционного права, характеризующие политико-правовое положение государства и его должностных лиц, представительских органов, тем самым выстраивая государственно-правовую политику. Так, в ст. 2 *формально* подтверждалось сохранение ранее выданных прав, свобод и вольностей, но только привилегированным сословиям, запрещая «простыхъ людей» назначать на должности (ст. 15)³; наряду с *принципом выборности* высшего должностного лица в государстве.

Несмотря на наличие правовых предписаний и прямого запрета, имело место системное нарушение статутных норм (например, дарование белорусского Подляшья Польше в 1569 г.), что предусматривало фактически юридическую ответственность князя за превышение своих должностных полномочий [4, с. 83–84]. При этом особенности юридической ответственности должностных лиц, как и ранее, определялись сословно-представительским характером и зависели от статуса и занимаемой должности, и вида совершаемого проступка⁴. Чаще всего имели место притеснения зависимого населения и местных жителей в виде взимания дополнительных налогов (поборов), как в натуральной, так и денежной форме; принуждения выполнения неоплачиваемых работ в свою пользу.

Дифференциация ответственности по Статуту 1569 г. обуславливала снятие с должностей, отнимание имений, денежные штрафы, тюремное заключение, утрату чести с лишением вольностей шляхты вплоть до смертной казни (разд. 11, ст. 12, 14, 15, 33; разд. 12, ст. 2, 17; разд. 14, ст. 18, 20, 30). Однако как показывает изучение судебной практики⁵, зачастую ограничивались денежными штрафами и наказаниями не совершать впредь злоупотреблений в форме рескриптов, упоминальных и заручных листов.

В отличие от Статута 1529 г., новый закон значительное внимание уделил функционированию

¹ Всего было на тот период 30 поветов и 13 воеводств согласно административно-территориальной реформе.

² Общество исследуемого периода носило яркий сословный характер и о равноправии применительно к системе управления государством, занятии государственных должностей, применении равносильных санкций, выборности князя речи не шло (прим. авт.).

³ Указанная дискриминационная норма содержалась и в Статуте 1529 г. (прим. авт.).

⁴ Ответственность наступала с возраста 14 лет (разд. 14 ст. 8) (прим. авт.).

⁵ Акты, издаваемые Комиссией, высочайше учрежденной для разбора древних актов в Вильне [в 39 т.]. Т. 8. // Акты Виленского градского суда. Вильня., 1875 г. 761 с. (№ 124, с. 266–267; № 132, с. 279–281; № 133, с. 281–282).

сейма. Так, развивая представительские функции в государстве как элемент гражданского общества, нормы ст. 5, 6 определили порядок функционирования и выборности членов поветовых сеймиков (по два члена от каждого повета с оплатой их деятельности), а также вального сейма, действовавшего в лице высших должностных лиц и иных представителей шляхты на уровне государства.

В целом функции сеймов в зависимости от их видов (предсеймовые, депутатские, конфедерационные, судебные и т.д.) были достаточно обширны и не всегда регламентировались законом: от выбора чиновников в судебные органы, представителей в вальный сейм, до руководства землями в период безвластия и организации выборов князя, мобилизации военных сил [5, с. 128]. При этом наиболее важные решения принимались постановлениями на вальном сейме, как и рассмотрение тяжких преступлений, например, высших должностных лиц государства. В целом была высока роль сеймов и в выполнении контролирующих функций (например, Виленский сейм 1565–1566 гг., Городненский сейм 1568 г. и т.д.): периодически слушались отчеты о сборе налогов и использовании денежных сумм; об исполнении функций чиновниками [6, с. 106–107], тем самым препятствуя злоупотреблениям и хищениям на местах¹. При этом поветовые сеймики устанавливали местные налоги, назначали лиц на руководящие органы поветов.

Указанное свидетельствует о поступательном формировании парламентаризма в виде местного представительства в органах законодательной власти с учетом уровневого принципа управления. В свою очередь это можно расценивать *эффективным механизмом противодействия коррупции в современном понимании вопроса*, позволяющем коллегиально избирать должностных лиц, публично рассматривать жалобы и ходатайства шляхты органами центральной власти, реагируя на имеющиеся нарушения статутного права (например, злоупотребления отдельными воеводами, хищения сборов, волокита при рассмотрении дел и т.п.).

Отметим, что дальнейшее развитие получило и *разделение власти* в контексте детальной регламентации судебных органов государства, процессуального порядка их деятельности (раздел четвертый «О судьях и о судьях»), отграничении от исполнительной функции.

Нормы Статута 1569 г. устанавливали и порядок временного замещения судьи и подсудка, но

только в случае тяжелой болезни или отправления иных функций (например, посла). Это в свою очередь разрешало привести к присяге иного шляхтича, знающего особенности местного права. При этом запрещалось *одновременное занятие должности судьи (подсудка) «духовными особами, державцами, тиунами, врядниками, хоружими»*, что свидетельствовало *о разделении исполнительных и судебных функций в государстве, препятствовало конфликту интересов* (ст. 7, 8).

Таким образом, можно сделать выводы *о развитии антикоррупционной политики* ВКЛ и Речи Посполитой в контексте трансформации законодательных, исполнительных и судебных органов государства с формированием элементов представительства в виде становления института парламентаризма. Статутное законодательство 1566 г. закрепило и развило не только общеправовые и специальные принципы правового государства, но и правовые ограничения возможности злоупотреблений чиновниками на местах в аспекте выборности, сменяемости и подконтрольности их деятельности в протоформах ведомственного, процессуального и общественного контроля, наличия дифференциации юридической ответственности. В то же время формальное закрепление некоторых правовых принципов в законодательстве с невозможностью их реализации в свете доминирования сословно-представительских отношений и социального неравенства, наряду с пожизненным назначением на некоторые государственные должности, создавало ряд факторов коррупционного характера, негативно отражающихся на криминологической ситуации в государстве исследуемого периода.

Статут 1588 г. [7] завершил кодификационный процесс ВКЛ и конфедеративного государства Речи Посполитой. Основу свода законов составили предыдущие версии Статутов 1529 и 1566 гг., многочисленные привилеи, постановления сеймов и поветовых сеймиков 1560–1580-х годов как элементов демократии в государстве. Об этом свидетельствуют положения привилея «Об утверждении Статута» в части согласования с панами-радой, врядниками, депутатами ВКЛ от имени всех сословий.

Применительно к предмету нашего исследования, важно отметить закрепление *антикоррупционных принципов правового государства*, наряду с новеллами некоторых ограничений и процедурных регламентов, видов ответственности должностных лиц. В свою очередь это являлось *сдер-*

¹ Архив Юго-Западной России, издаваемой Комиссией для разбора древних актов, состоящей при Киевском, Подольском и Волыньском генерал-губернаторе. Ч. 2, т. 3 : Постановления провинциальных сеймиков Юго-Западной Руси в 1698–1726 гг. 1910. [2], XII, 843, LXXXIII с. (№ 6, с. 40–56; № 23, с. 121–133).

живающими факторами правового порядка от злоупотреблений чиновниками, совершении ими иных правонарушений коррупционного характера в современном криминологическом понимании вопроса.

Так, всеобщность писаного права, независимо от классов, чинов и званий (ст. 1); запрет очного обвинения с отнятием чинов, должностей, имений и назначение наказания согласно нормам закона (ст. 2); общеобязательность исполнения решений государя, панов-рады, судей (ст. 3); индивидуализация вины, презумпция невиновности и персонификация юридической ответственности (ст. 18) стали базовой основой правового государства [8, с. 9–13].

При этом расширение перечня запретов и ограничений, регламентация процедурных требований применительно к должностным лицам государства, позволяет утверждать о развитии *правовой основы антикоррупционной политики государства, сдерживающей противоправные действия должностных лиц посредством норм-запретов, норм-ограничений и норм-регламентаций, установлении соответствующих видов юридической ответственности.*

Отметим, что Статут 1588 г. расширил перечень запретных видов действий. Так, служебный подлог официальных документов, подписей, выписок и т.п. влек за собой одно и самых строгих наказаний в виде смертной казни (ст. 16 р. 1); самовольное присвоение и хищение государственных земель, имений, доходов предусматривало не только возврат присвоенного (похищенного), но и равноценное возмещение вреда (ст. 19 р. 1); нарушение процедурного порядка разрешения урядниками жалоб и ходатайств, несвоевременное рассмотрение таковых и волокита влекли за собой штраф в размере 12 рублей вплоть до освобождения от должности (ст. 23 р. 1; ст. 38 р. 4); самовольное введение пошлин, монополий чиновниками предусматривало ответственность в виде штрафов (100 коп.) вплоть до изымания имений (ст. 29 р. 1; ст. 51 р. 3); взыскание неправомерно установленной судебной пошлины или вынесение несправедливого судебного решения налагали обязанность вернуть взысканную сумму, возместить расходы потерпевшему, заплатить в двойном размере штраф в пользу государства (ст. 5, 37 р. 4).

При этом нормы (ст. 11 р. 3, ст. 65 р. 4) определяли порядок судебного разбирательства в отношении должностных лиц. Последние были подведомственны сеймову или княжескому

суду (Литовскому трибуналу), где могло быть назначено наказание, связанное с лишением чести (ст. 11 р. 3). При этом обвинение в расточительстве и вредительстве государству требовало очного судебного разбирательства (ст. 14 р. 3). Это означало, что, не доказав виновность чиновника, нельзя было лишить его должности или назначить иное наказание. Примечателен в этом случае пример апелляционного ходатайства в Литовский трибунал витебского воеводы Н.П. Сапеги, дело которого изначально рассматривал Брестский земский суд по обвинению в превышении полномочий (удерживал в тюремном заключении 42 недели дворянина Н. Оленского). Суд обязал уплатить виновного гвалт и навязку совито в пользу потерпевшего (т.е. в двойном размере)¹.

Новеллой закона стало введение ограничительной нормы *о запрете одним чиновником занимать две должности в составе рады и судов*, что могло быть обнародовано и оспорено путем освобождения от занимаемой должности решением сейма (ст. 34). Ранее такое ограничение имело место только к чиновникам судов. Указанная норма стала протонормой современного ограничения для государственных должностных лиц в аспекте прохождения службы, что могло привести к конфликту интересов в современном понимании и концентрации власти в одних руках.

Отдельные нормы-регламентации раскрывались *с позиции функционирования государственных органов с учетом принципа разделения властей.* Применительно к законодательной ветви власти, в качестве делегатов от поветов и воеводств в сейм и поветовые сеймики выдвигались только урядники земские и поветовые, шляхта, т.е. привилегированные сословия. Иные представители не допускались, что свидетельствовало о формальном равноправии, закрепленном статутной нормой, и ее нежизнеспособности в действительности (ст. 2, 7–8 р. 3). Во избежание коррупционных проявлений, деятельность была оплачиваемой (ст. 7 р. 3).

Применительно к *организации судебной власти* от соответствующих чиновников требовалось отправления правосудия по принципу справедливости, равноправия сторон, не отдавая предпочтений ни одной из них, применяя нормы статута (ст. 46 р. 3). Также статутная норма (ст. 1 р. 4) определяла *пожизненное назначение урядников на соответствующие должности судей и подсудков.* При этом они назначались из четырех предварительно выбранных достойных шляхти-

¹ Акты Виленской археографической комиссии: Том II. Акты Брестского земского суда XVI–XVIII вв. Тип. Губернского Правления, Вильна, 1867 г. 366 с. (№ 101, с. 292–295).

чей, знающих право и обладающих соответствующими моральными качествами (ст. 37 р. 4).

Применительно к антикоррупционным началам их деятельности, можно отметить обязательность публичного принесения присяги перед должностными лицами воеводства, в которой отмечалась необходимость справедливо осуществлять свои обязанности, *невзирая на сословные и иные качества тяжущихся, не принимая подарков и посулов*. Кроме того, дополнительно устанавливались ограничения по *совмещению нескольких судейских должностей и должностей*, относящихся к исполнительной ветви власти (урядники воеводств и поветов) и церковной епархии.

С позиции правовой регламентации нормы статута детально описывали и порядок судебного разбирательства, *не допуская служебниками превышения своих полномочий путем оскорбления тяжущихся или причинения им телесных повреждений, смерти*. Так, совершение указанных действий влекло за собой тюремное заключение на шесть недель, смертную казнь уряднику и на вязку или головщину (штраф) с лишением чести соответственно.

С позиции регламентации *исполнительной ветви власти* получили детализацию функциональные обязанности и ответственность отдельных должностных лиц в контексте недопущения злоупотреблений, например, урядниками тюрьмы (ст. 31–32 р. 4); лицами, производящими следствие (ст. 62–64 р. 11), возными, адвокатами и т.п.

Так, статутная норма «предупреждая своеволие людское», обязала исполнять уголовные наказания в отношении осужденных и приговоренных к тюремному заключению «без всяких исключений и поблажек». В случае незаконного улучшения условий содержания (например, перемещение на другой этаж замка, установление пе-

чек и т.п.), урядник был обязан уплатить штраф в 40 коп. в пользу потерпевшего от преступления. В свою очередь, лица, производящие следствие, обязались соблюдать требования присяги и всеобщую справедливость при разбирательстве, что впоследствии и становилось предметом судебного следствия.

Обсуждение и заключение

Таким образом, прогрессивные нормы статутного законодательства 1588 г. содержали в себе декларативные антикоррупционные принципы правового государства, направленные на регламентацию деятельности основных органов государства и его должностных лиц в свете принципа разделения властей. При этом поступательная трансформация феодального права связана с развитием положений, регламентирующих правовую основу антикоррупционной политики Речи Посполитой в форме норм-запретов, норм-ограничений и норм-регламентаций применительно к деятельности должностных лиц государства. Расширение спектра видов юридической ответственности специального субъекта показывает особую значимость недопущения коррупционных правонарушений для государства, несмотря на отсутствие четкой дифференциации по отраслям права.

В целом поступательное развитие норм права в аспекте предупреждения коррупции в каждом из статутов позволяет утверждать *о сформированности сущностной основы антикоррупционной политики государства* именно в период завершения процесса кодификации права в аспекте закрепления и реализации принципов-деклараций правового государства при наличии превентивных, запрещающих, регламентирующих и наказательных мер. В свою очередь это позволяет выстраивать современную политику государства, учитывая вектор исторической преемственности борьбы с коррупцией от наказания к превенции.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Статут Великого княжества Литовского 1529 г. под ред. К.И. Яблонскиса. Минск : изд-во Акад. наук БССР, 1960. 253 с.
2. Подокшин С.А. Реформация и общественная мысль Белоруссии и Литвы. Вторая половина XVI – начало XVII в. Минск: «Наука и техника», 1970. 224 с.
3. Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 года / Т.І. Доўнар, У.М. Сатолін, Я.А. Юхо. Мінск: Тэсей, 2003. 250 с. URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pomniki-gistoryi-prava-belarusi/kanstytutsyyna-prava-belarusi/statuty-vyalikaga-knyastva-lito-skaga/statut-1566-goda/> (дата обращения: 25.11.2025).
4. Довнар Т.И. Основания и результаты систематизации законодательства в Великом Княжестве Литовском в XVI в. / Т.И. Довнар // Актуальные проблемы гражданского права. Сборник науч. трудов. Вып.второй. Минск: «МИТСО», 2013 С. 65–99.
5. Бардах Ю. История государства и права Польши / Ю. Бардах, Б. Леснодорский, М. Пиерчак. Москва: Юрид. лит., 1980. 559 с.
6. Максимейко Н. А. Сеймы Литовско-Русского государства до Люблинской унии 1569 г. / Н.А. Максимейко. Харьков: Тип. Дарре, 1902. 340 с.

7. Статут Вялікага княства Літоўскага, 1588 / пер. на сучасн. беларус. мову : А.С. Шагун ; аўт. прадм. Я. Янушкевіч. Мінск: Беларусь, 2016. 261 с.
8. Шкалёнак М. У трохсотыя ўгодкі сьмерці вялікага канцлера Льва Сапегі / М. Шкалёнак. Вільня, 1933. 32 с.

REFERENCES

1. Statut Velikogo knyazhestva Litovskogo 1529 g. pod red. K.I. Yablonskisa. Minsk : izd-vo Akad. nauk BSSR, 1960. 253 s.
2. Podokshin S.A. Reformaciya i obshchestvennaya mysl' Belorussii i Litvy. Vtoraya polovina XVI – nachalo XVII v. Minsk: «Nauka i tekhnika», 1970. 224 s.
3. Statut Vyalikaga knyastva Litoŭskaga 1566 goda / T.I. Doŭnar, U.M. Satolin, Ya.A. Yuho. Minsk: Tesej, 2003. 250 s. URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pomniki-gistoryi-prava-belarusi/kanstytutsyinae-prava-belarusi/statuty-vyalikaga-knyastva-lito-skaga/statut-1566-goda/> (data obrashcheniya: 25.11.2025).
4. Dovnar T.I. Osnovaniya i rezul'taty sistematizacii zakonodatel'stva v Velikom Knyazhestve Litovskom v XVI v. / T.I. Dovnar // Aktual'nye problemy grazhdanskogo prava. Sbornik nauch. trudov. Vyp.vtoroj. Minsk: "MITSO", 2013 S. 65–99.
5. Bardah Yu. Istoriya gosudarstva i prava Pol'shi / Yu. Bardah, B. Lesnodorskij, M. Pierchak. Moskva: Yurid. lit., 1980. 559 s.
6. Maksimejko N. A. Sejmy Litovsko-Russkogo gosudarstva do Lyublinskoj unii 1569 g. / N.A. Maksimejko. Har'kov: Tip. Darre, 1902. 340 s.
7. Statut Vyalikaga knyastva Litoŭskaga, 1588 / per. na suchasn. belarus. movu : A.S. Shagun; аўт. прадм. Я. Янушкевіч. Мінск: Беларусь, 2016. 261 с.
8. Shkalyonak M. U trohsotyia ўгодki s'merci vyalikaga kanclera L'va Sapegi / M. Shkalyonak. Vil'nya, 1933. 32 s.

Информация об авторе:

Терещенко Татьяна Георгиевна, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии уголовно-исполнительного факультета Академии МВД Беларуси, e-mail: tati2034@yandex.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Tereshchenko Tatiana G., Candidate of Law (Research doctorate), Associate Professor, Deputy Head of the Department of Penal Enforcement Law and Criminology of the Penal Enforcement Faculty of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of Belarus, e-mail: tati2034@yandex.ru

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья получена: 10.12.2025.

Статья принята к публикации: 23.03.2026.

Статья опубликована онлайн: 31.03.2026.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.